

**«Борьба за русское дело»:
имперская колонизация Туркестана***

Юлия Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

**“Fighting for the Russian Cause”:
The Imperial Colonisation of Turkestan**

Yulia Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia

This article considers the political vision and imperial administration projects related to tasks and objectives of the Russian colonisation of Turkestan in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries. The author singles out categories of colonists and their objectives and discusses the difficulties behind the realisation of the imperial settlement project. Special attention is paid to the methods used to realise the development of conquered Turkestan, which combined the use of religious differences in population administration (the concept of “confessional state” by P. Werth) and emerging and expanding national discourse. Earlier studies closely examined the stages and numbers of the resettlement movement to Turkestan but did not consider how the imperial and Turkestan administration perceived the realisation of the region’s development. The research describes the points of view of imperial officials, supervisors, and inspectors of the resettlement processes to Turkestan and the adaptation of the imperial agents. The author refers to unpublished materials (recordkeeping, narrative, etc.) from the funds of the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, introduced into scholarly circulation for the first time. They make it possible to show the difficulties faced by Russia in realising its colonisation strategies in Turkestan, different assessments of colonists’ potential, and problems which were the subject of departmental

* *Citation:* Tsyryapkina, Yu. (2022). “Fighting for the Russian Cause”: The Imperial Colonisation of Turkestan. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1625–1641. DOI 10.15826/qr.2022.5.751.

Цитирование: Тсыряпкина Ю. “Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641. DOI 10.15826/qr.2022.5.751 / Цыряпкина Ю. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641. DOI 10.15826/qr.2022.5.751.

correspondence of the Turkestan civil authorities. The author concludes that there was a considerable discrepancy between the political objectives and tasks of the Russian settler movement in Turkestan defined by imperial administration and the implementation of the project connected with the social-economic and cultural adaptation of Orthodox settlers in the region. The analysis of documents makes it possible to reconstruct the complex problems of the imperial project of the use of religious and national identity as a cultural basis of the civilizing mission in Turkestan.

Keywords: Russian history of the turn of the 20th century, Russian Empire, Turkestan, resettlement, Orthodoxy, Kulturträger tasks

Исследуются политическое видение и проекты имперской администрации в отношении целей и задач русской колонизации Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. Выделены категории колонистов и их задачи, обсуждены сложности в реализации имперского проекта по переселению. Подробно рассматриваются подходы к реализации программы по освоению завоеванного Туркестана, которые сочетали в себе использование религиозных отличий в управлении населением (концепция «конфессионального государства» П. Верта), а также зарождавшийся и расширявшийся национальный дискурс. В более ранних исследованиях подробно раскрывались этапы и объемы переселенческого движения в Туркестан, но не затрагивался вопрос о видении имперской и туркестанской администрацией сложностей реализации проекта по освоению региона. В исследовании описываются взгляды и позиции имперских чиновников, наблюдателей и ревизоров на процессы переселения в Туркестан и адаптация агентов империи. Основными источниками являются неопубликованные материалы (делопроизводственные, нарративные и др.) из фондов Национального архива Республики Узбекистан, которые вводятся в научный оборот впервые и позволяют показать сложности в реализации стратегии колонизации, разные оценки потенциала колонистов, проблемы и трудности, с которыми сталкивалась туркестанская администрация, обсуждавшиеся в ведомственной переписке. Делается вывод о существовании значительных расхождений между целями и задачами русского переселения в Туркестан, очерченными имперской администрацией, и воплощением этого проекта, связанного с социально-экономической и культурной адаптацией православных переселенцев в регионе. Анализ документов дает возможность воссоздать комплекс проблем по использованию религиозной и национальной идентификации в качестве основы цивилизационной миссии в Туркестане.

Ключевые слова: история России рубежа XIX–XX вв., Российская империя, Туркестан, переселение, православие, культуртрегерские задачи

Общие теоретико-методологические работы, осмысляющие имперский опыт Российской империи и становление национализма, были раскрыты в публикации А. И. Миллера [Миллер]. В последние три десятилетия происходит новое осмысление истории Российской империи: намечается отход от моноцентричной парадигмы, и империя изучается через призму многообразия населения, сложного многовариантного диалога между центром и окраинами, между имперской властью, локальной администрацией и населением [Герасимов, Глебов и др.]. Региональное измерение имперской политики раскрывается в работах омского исследователя А. Ремнева и его учеников, в них обобщаются вопросы идеологии «внутреннего империализма» при расширении империи, которая сопровождала колониационные процессы в Азиатской России в позднеимперский период [Ремнев, Суворова, 2008; Ремнев, Суворова, 2013]. Применительно к Центральной Азии региональное измерение имперской политики показано в коллективной монографии российских исследователей [Центральная Азия]. Вопросы, связанные с конфессиональной идентичностью переселенцев, рассматриваются фрагментарно и в основном в контексте государственно-церковных отношений [Литвинов]. Перспективным направлением в российской науке в последние годы является научная школа по изучению имперской политики аккультурации, достижения которой обобщены в монографии 2019 г. [Имперская политика]; в рамках данного направления анализируются вопросы культурной интеграции обретенных территорий в имперское пространство [Васильев, Любичанковский].

Большая часть работ российских публикаций о Туркестане в постсоветский период была подготовлена в традиционной фактографической форме написания истории региона, востребованными оказались сюжеты, связанные с изучением различных аспектов развития русского переселенческого сообщества [Цыряпкина, 2016; Брежнева], политики туркестанской администрации в отношении мусульманского и православного населения [Котюкова] и др.

В англоязычной историографии Туркестана опубликованы работы, нацеленные на сравнительные имперские исследования. В монографии А. Моррисона, посвященной формированию системы русского управления в Самарканде во второй половине XIX – начале XX в., затрагиваются конфессиональные вопросы в связи с анализом судебной системы [Morrison, 2008]. Отдельные аспекты конфессиональной политики в регионе освещает японский исследователь Т. Уяма, в статье которого представлены ее различные проекции и дебаты о «христианизации» коренного населения региона [Uyama].

Материалом для анализа в данной статье послужили отчеты военных губернаторов областей Туркестана, делопроизводственная и ведомственная переписка чиновников туркестанской администрации, нарративные источники. Большая часть источников из фондов Национального архива Республики Узбекистан (бывшего Центрального

государственного архива Республики Узбекистан, далее – НАРУз. – Ю. Ц.) вводится в научный оборот впервые.

Государственная стратегия русской колонизации Туркестана

По мнению американского исследователя П. Верта, конфессиональный статус и религия в XIX в. оставались в Российской империи ключевой основой идентификации, наиболее приемлемой как для администрирования, так и для разделения «разнообразного населения империи», хотя во второй половине XIX в. все чаще стала использоваться классификация, основанная на языке, а в дальнейшем – на этническом происхождении. П. Верт признает, что в этот период в Российской империи зарождалось национальное государство, хоть и несовершенное [Werth, p. 125; см. также: Герасимов, Глебов и др., с. 34], однако православие по-прежнему являлось удобным инструментом разделения населения на православных и на остальных подданных.

Русский национализм оформляется в концепции А. И. Миллера в 40-е гг. XIX в., в этот период появляется ясное представление о том, какие территории империи входят в русское «национальное» ядро [Miller, p. 65]. Это положение подтверждается британским историком А. Моррисоном, который доказывает, что у России не было географического разделения между метрополией и колонией, как у классических морских империй, но была идея того, что именно составляет «центр», или «Европейскую» часть империи [Morrison, 2015, p. 119]. Включение огромных территорий в состав Российской империи привело к необходимости выработать стратегию закрепления этих территорий в составе государства. К моменту завоевания среднеазиатских ханств правительство опиралось на опыт включения в состав Российской империи сибирских территорий и Дальнего Востока. Ключевыми аспектами при этом являлись создание административного и военного аппарата и формирование русских переселенческих поселков [Ремнев, Суворова, 2013, с. 16].

Документы имперского периода несут многочисленные упоминания о «русской колонизации», «русских поселках», «русских переселенцах». Однако отсылка к «русскости» в определении «русский» подразумевала в большей степени принадлежность к государству (империи). По мнению А. В. Ремнева, определение «русский» на азиатских окраинах (преимущественно в Сибири) могло включать великороссов, малороссов и белорусов и чаще всего служило для выражения отличия от коренного населения региона [Ремнев, Суворова, 2008, с. 158]. Применительно к Туркестану стоит заметить, что в колонизации этого региона участвовали, кроме русских, немцы и другие подданные Российской империи.

Имперская администрация делала ставку на переселенцев-колонистов, на них возлагались важные национальные задачи по «окультуриванию» коренного населения региона. Создание эко-

номически устойчивых хозяйств русских переселенцев в Туркестане должно было продемонстрировать превосходство российских традиций земледелия и оседлого земледельческого образа жизни, подтолкнуть коренное население к сплочению вокруг «русской гражданственности» [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 343. Л. 1], в дальнейшем это воплотилось в политике «обрусения».

Общий план освоения Туркестана сводился к формированию в уже имевшихся там городах «русских крепостей», в дальнейшем именовавшихся «русской частью», в которых размещались военный гарнизон, туркестанская администрация, врачи, купцы и другие категории колонистов; учет населения в «русской части» происходил отдельно [Там же. Ф. И-269. Оп. 1. Д. 125. Л. 10]. В «русской части» городов строились вокзалы, торговые помещения, общественно-административные здания, церкви, аптеки, жилые дома европейского типа, промышленные предприятия и др., посредством чего закреплялось российское завоевание. Эти районы туркестанских городов предназначались для проживания населения, пришедшего в Туркестан с территории «национального ядра» – Европейской части России, другими словами, для проживания агентов империи без учета их национальной принадлежности. Кроме русских, украинцев, белорусов, там селились поляки, немцы и др.

«Старые города» Туркестана (так называемая «туземная часть») отличались хаотичной застройкой и узкими извилистыми улицами, соответственно, размещение в них военных гарнизонов оказалось затруднительным [Там же. Ф. Р-2681. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2]. «Русская часть» была достроена в таких «старых» городах, как Ташкент, Самарканд, Наманган, Андижан, Коканд [Там же. Л. 3–7]. В Маргилане не удалось выбрать площадку для нового города, поэтому Новый Маргилан (в дальнейшем Скобелев, а затем Фергана) был построен в 8 км от старого города.

Крестьяне-колонисты, преимущественно из европейских губерний России, расселялись по отдельным переселенческим поселкам, которые первоначально рассматривались русской администрацией в качестве военных гарнизонов, максимально огражденных от коренных жителей [Брежнева, с. 618]. Утверждение туркестанского генерал-губернатора Н. И. Гродекова о том, что «русский поселок значит столько же, сколько батальон солдат» [НАРУз. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020. Л. 41 об.] приобрело хрестоматийное значение для иллюстрации важности хозяйственно-экономических успехов переселенческих поселков в деле «завоевания» края, которые ценились не меньше, чем военные достижения. Коренное население региона рассматривалось как чуждое и агрессивное, поэтому после присоединения туркестанская администрация точно вооружала переселенцев для самообороны [Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1249. Л. 4, 23].

Имперская администрация полагала, что между переселенцами и коренным населением должна сохраняться дистанция, а переселен-

ческие хозяйства должны оставаться самостоятельными «не только в административном, но и в хозяйственном отношении» [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 63. Л. 2 об.]. Однако О. И. Брусина очевидно продемонстрировала, что в переселенческих селах правило «закрытости» для коренного населения не соблюдалось строго, вместе с переселенцами там проживали сезонные работники, семьи бедняков, работавших у русских переселенцев, и др. [Брусина, с. 36]. По многим хозяйственным вопросам переселенцы контактировали с «киргизами», с оседло-земледельческим населением региона. Политика обособленности, которую выстраивала туркестанская администрация, не была реализована в полной мере.

Туркестанские управленцы рассматривали переселенцев как один из инструментов «цивилизаторской миссии» на Востоке. Государство посредством колонистов стремилось не только решить социально-экономические цели, но и осуществить культуртрегерские задачи [Rieber, p. 272]. В донесении ходжентского уездного начальника Самаркандской области 1910 г. в Канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства перечисляются качества переселенцев, необходимые для выполнения государственной «миссии» в Туркестане:

... [допускать] в край только лиц, которые... могли бы сослужить Государству Российскому ту службу, какая лежит здесь на окраине на каждом русском человеке. Служба эта... заключается еще в работе по сближению с русской народностью местных аборигенов-туземцев, по распространению среди местных инородцев правильных взглядов на преимущества русской гражданственности и культуры. Русским людям, живущим среди туземцев, приходится, кроме своей личной работы, выполнять также и высокую колонизаторскую миссию европейского народа среди совершенно не знакомых с европейской жизнью туземцев [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 17 об.].

В этой довольно пафосной цитате имперского нарратива иллюстрируется общая цель переселенческой политики – стремление «водворить» в регион русскую культуру, экономические практики, опыт гражданственности. При этом подразумевалась односторонняя передача культурных норм. Осознавали ли переселенцы «высокую миссию», которую возлагала на них туркестанская администрация, вопрос отдельного рассмотрения.

Переселенцы в трактовке государства

Демографические и социально-экономические аспекты русского переселения в Туркестан в исследовательской литературе рассмотрены достаточно основательно [Гинзбург; Фомченко; Брусина]. Сюжет о государственно-церковных отношениях и о сложном взаимодействии первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана с церковью в Туркестане затрагивается в монографии

П. П. Литвинова [Литвинов], однако в исследовательской литературе недостаточно раскрывается вопрос о том, как русские переселенцы справлялись с возложенными на них государственными задачами.

Определяя общую логику переселения в регион, имперское руководство среди всех водворявшихся туда переселенцев выделяло две инструментальные категории – сословные и конфессиональные группы. В первом случае имелись в виду крестьяне, на земледельческий потенциал которых делалась ставка в формировании успешных переселенческих анклавов, выращивании хлопка, в котором остро нуждалась российская экономика, и других культур. С другой стороны, имперское руководство активно задействовало религиозную идентичность переселенцев.

Учитывая факт проживания в Туркестане коренного мусульманского населения, представители которого считались инородцами, империя усиливала обособленность переселенцев, привлекая в процесс колонизации региона преимущественно христианское население, большинство которого составляли православные. Четкая регламентация отбора переселенцев в Туркестан была сформулирована в Положении об управлении Туркестанским краем 1886 г., в котором утверждались правила переселения. Согласно этому положению, к водворению в Туркестан допускались «исключительно русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей» [Переселенческое дело в Туркестане, с. 175]. Переселенцам отводились участки на свободных государственных землях (не более 10 десятин на каждого работника [Там же, с. 181]).

Переселенцы из Европейской части России различались по этнической принадлежности (великороссы, малороссы, белорусы и др.), по диалектам и говору, по особенностям ведения хозяйства и быта, традициям и менталитету. Поскольку русские переселенцы вселялись в регион, населенный мусульманами, в видении имперских властей наиболее прочной основой солидарности для них должна была стать принадлежность к православной общине. Православие, роль которого усилилась во время правления императора Александра I, обеспечивало связь переселенцев с государством [Цыряпкина, 2015, с. 288]. Опираясь на материалы по освоению русскими Сибири, А. В. Ремнев показывает, что религиозная принадлежность переселенцев тщательно отслеживалась и оценивалась властями, так как ассоциировалась с «коренной» Россией [Ремнев, Суворова, 2008, с. 185]. Наиболее важные компоненты «русского дела» на азиатских окраинах сводились к формуле: «русский земледелец, православный, верноподданный» [Там же, с. 198]. Это положение можно с уверенностью экстраполировать на процесс отбора и водворения переселенцев в Туркестан во второй половине XIX – начале XX в. Сохранение таких маркеров русской идентичности, как православие и язык, на вновь присоединенных территориях для государства приобретало особую значимость.

Документы ведомственной переписки, отчеты туркестанской администрации показывают опыт взаимодействия имперских властей с местными сообществами. Коренное население региона приравнялось к инородцам, в дальнейшем его статус регламентировался Положением об управлении Туркестанским краем 1886 г. Представители туркестанской администрации выделяли приверженность коренного населения исламу, причем акцент делался на мусульманском «фанатизме»:

Русские отовсюду окружены явными и тайными врагами... Эти отряды покуда признаны достаточными, чтобы сдержать в повиновении массу иноверного фанатического туземного населения, которое могло бы в полном смысле слова подавить своею многочисленностью русские отряды [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 15. Л. 3–3 об.].

Исходя из этих соображений туркестанская администрация способствовала созданию отдельных переселенческих поселков, в которых переселенцы могли быть полностью автономны от коренных жителей региона.

Государство решало важные геополитические и национальные задачи с помощью крестьянской колонизации Туркестана, стремясь продемонстрировать успехи российской гражданственности и российского способа хозяйствования. Конфессиональный статус переселенцев оказывался решающим, что было закреплено законодательством.

Задачи империи и русские переселенческие поселки в Туркестане

В исследованиях мало освещен вопрос, насколько консолидированными были переселенцы, становились ли они участниками формирующегося национального проекта Российской империи даже в условиях проживания в непосредственной близости от мусульманского населения.

Статистика свидетельствует, что, согласно данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в Сырдарьинской области, в состав которой входил Ташкентский уезд вместе с крупным административным центром – Ташкентом, проживало великороссов 31 900 чел., малороссов – 12 853 чел., белорусов – 81 чел. В разделе переписи, где фигурировали данные по языкам, все эти три группы маркировались как русские [Первая Всеобщая перепись, с. 56–57].

В отчетах туркестанских чиновников группы переселенцев часто характеризовались как этнотерриториальные союзы по месту выхода из территорий Европейской России («запорожцы», «закавказские молokane», «немцы из Самарской губернии» и др.) [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 32], однако целью имперской политики являлось сплочение этих групп для выполнения государственных задач:

Только при такой постановке переселенческого дела на окраину попадут не случайно пришедшие сюда переселенцы, которых гонит с родины нужда, а хорошо подобранный контингент колонистов, вполне вооруженных для борьбы здесь за *русское дело* (здесь и далее курсив мой. – Ю. Ц.), способных убедить инородцев-аборигенов в преимуществах русской культуры перед мусульманским застоём [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 18–18 об.].

Множество примеров из имперского нарратива свидетельствует, что русские переселенцы не показывали необходимого уровня сплоченности, на который рассчитывала туркестанская администрация. В заметках этнографа Туркестана И. Гейера показаны примеры взаимопомощи между ташкентским немецким обществом и водворившимися немцами с. Константиновского Ташкентского уезда. Автор проводит параллели с русскими переселенцами, среди которых не находит подобной взаимовыручки:

Они (ташкентские немцы. – Ю. Ц.) прекрасно понимали, что от людей, явившихся из деревни, ничего подобного требовать нельзя, поэтому разумно протянутая рука помощи не оскудевает. <...> В этом осмысленном понимании общечеловеческих обязанностей... и заключается та сила, которую немцы приобретают на чужбине и от которой нашему брату *русскому* с плохо развитым чувством солидарности нередко приходится терпеть много горя [Там же. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 32].

И. Гейер в оценочных суждениях о переселенцах напрямую указывает, что отсутствие солидарности и сплоченности среди русских переселенцев усложняло адаптацию каждого из них в Туркестане. Развивая мысли о разобщенности среди русских переселенцев, исследователь иллюстрировал их примерами из жизни с. Кауфманского:

Большинство новоселов Кауфманского – бедняки. <...> Это *чисто русское село* со всеми *русскими* характерными особенностями. Обыватели... при первом затруднении готовы звать на помощь варягов, которых видят в лице начальства. Их старшие братья, ташкентская интеллигенция, не похожа на немецкое общество, и не только относится с полным равнодушием к их судьбе, но и при всяком удобном случае отрешиваются от них как от чего-то вполне чуждого и ненавистного (сохранены стиливые особенности оригинала. – Ю. Ц.) [Там же. Л. 32 об.].

В наблюдениях Гейера подчеркиваются те черты русских переселенцев, которые крайне раздражали туркестанских чиновников, – неумение договариваться, стремление к решению любой проблемы подключать администрацию, равнодушие между членами одного переселенческого сообщества.

Солидарность между «великороссами» и «малороссами» была развита в еще меньшей степени:

В одном селении группируются люди не только из разных уездов, но и [из] разных губерний. Более скрытный по натуре хохол косится на великоросса, а последний с некоторого рода снисхождением посматривает на хохла. Они сейчас же разбиваются на отдельные партии (группы. – Ю. Ц.) и об общем деле хлопочут в разницу, а потом свои промахи начинают валить друг на друга [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 339. Л. 32 об.].

Подобные примеры свидетельствуют о том, что крестьяне с трудом вовлекались в призванный объединить их имперский проект, зачастую игнорировали высокие культуртрегерские задачи, возложенные на них администрацией.

Хозяйственно-экономический потенциал переселенцев в отдельных случаях вызывал пессимизм и критику у имперских и туркестанских чиновников. Экономическая адаптация в Туркестане была более успешной у переселенцев, водворившихся в первые годы колонизации региона в 1870–1880-е гг., к началу XX в. они проживали в старожильческих поселках [Переселенческое дело в Туркестанском крае, с. 160]. Из-за закрытия Туркестана для переселения с 1897 г. самовольно водворившиеся в Туркестан крестьяне оказались на положении неофициально въехавших переселенцев и нередко арендовали землю у старожилов. Между русскими старожилами и самовольными переселенцами возникали острые конфликты из-за дележа водных и земельных ресурсов [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 341. Л. 21].

В отчете имперского статиста А. А. Кауфмана критичнее, чем в других имперских ревизиях, показаны хозяйственные черты переселенцев в отдельных переселенческих хозяйствах: склонность к требованию от туркестанской администрации лучших условий водворения, привычка части из них скитаться по заработкам, пристрастие к пьянству, праздному образу жизни [К вопросу о русской колонизации, с. 5–7].

Можно провести аналогии с ситуацией в западных губерниях Российской империи, упоминаемой в работе А. И. Миллера, согласно которой в начале XX в. малорусские помещики не включались в национальную мобилизацию, так как были заинтересованы только в сохранении своих земельных наделов и экономических выгод [Miller, p. 70]. Примерно так же некоторые русские переселенцы в Туркестане демонстрировали пренебрежение теми высокими государственными задачами, которые были на них возложены, их основная заинтересованность сводилась к извлечению личной выгоды в земельно-водных вопросах:

Все местные деятели подтверждают, что в виде правила в столкновениях из-за воды нападающей стороной являются *русские*, вообще очень склонные игнорировать права и интересы своих соседей тузем-

цев. В частности, русские поселенцы весьма мало склонны к производству каких бы то ни было крупных ирригационных работ, даже когда они в них непосредственно заинтересованы, так как питают убеждение, что вода должна быть отведена им вместе с землей [К вопросу о русской колонизации, с. 27–28].

По материалам отчетов, публикациям в специальных переселенческих изданиях, по делопроизводственной документации можно проследить разочарование чиновников имперской и туркестанской администрации колонизационным потенциалом русских переселенцев, не оправдавших возложенной на них «цивилизаторской» миссии относительно «окультуривания» коренного населения и решения экономических задач. Имперские и туркестанские управленцы признавали, что переселенцы очень часто ущемляли права коренного населения. В отчете А. А. Кауфмана от 1903 г. указываются факты притеснения «киргизов» в земельных правах [Там же, с. 6].

В имперском нарративе приводятся примеры проблем, связанных с духовно-нравственным развитием переселенцев в Туркестане. Это было обусловлено, с одной стороны, затрудненным диалогом туркестанской администрации и Туркестанской православной епархии, которую по настоянию К. П. фон Кауфмана основали не в Ташкенте, а в г. Верном [Литвинов, с. 9], и, с другой стороны, нехваткой священников и средств для строительства церквей. В поселках самовольных переселенцев не было школ и церквей [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 341. Л. 24], соответственно, поддерживать религиозные формы солидарности между переселенцами было крайне затруднительно.

Н. Коблов из Джизака, прослуживший около пяти лет священником в поселках Сыр-Дарьинской области, скептически оценивал свою работу с православными переселенцами:

...Много было положено трудов над духовной нивой – переселенцами. Их нравственное убожество, языческие суеверия, склонность к злоупотреблению спиртными напитками – все это давало обильный материал для пастырской деятельности священнику и немало доставляло трудов, душевной тревоги и огорчений [Там же. Д. 207. Л. 25].

Отчасти это свидетельствует о том, что стремление туркестанской администрации солидаризовать переселенцев вокруг православия также столкнулось со множеством проблем и трудностей.

В отчетах туркестанской администрации неоднократно упоминалось, что в переселенческих селах ощущались нехватка священников, недостаток церквей и школ, и, напротив, наблюдался избыток кабаков. Долгое время церковь отсутствовала в селении Спаское в Голодной степи, об этом в документе было написано так:

Неимение православной церкви и священника тяжело отзывалось на духовных нуждах новоселов. [Испытывая] отчужденность от родины, не видя церкви и священников, живя среди туземцев и частью штундистов и баптистов, крестьяне невольно забывали христианские обычаи и частично грубели [НАРУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 342. Л. 14].

В специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников довольно часто высказывались сомнения и пессимизм относительно культурного и хозяйственного потенциала русского крестьянина и его надежности в деле выполнения культуртрегерских задач.

Несмотря на поддерживавшееся государством дистанцирование переселенцев и коренного населения, эти группы все же контактировали, особенно в хозяйственно-бытовой сфере. Крайнее неприятие у туркестанских управленцев вызывал такой «изъян» русского переселенческого общества, как пьянство, которое успешно заимствовалося отдельными представителями коренного населения:

В течение нескольких дней мусульманского праздника, совпавшего в этом году с нашей Масленицей, на улицах Ташкента можно было наблюдать факт некоторого освоения туземцев с нашей жизнью, проявлявшийся, однако, далеко не в положительной форме. С раннего утра по русскому городу (русской части Ташкента. – Ю. Ц.) сновали пешком и разъезжали на извозчиках не всегда в скромных позах компании сартов¹, нахлынувших в наш город с целью погулять и повеселиться в новой для них обстановке. <...> Немало замечалось среди них и пьяных, перенявших, по-видимому, легче всего эту печальную принадлежность нашего праздничного обихода [Там же. Д. 207. Л. 7].

Данные примеры свидетельствовали о сближении переселенцев и коренного населения в повседневных и праздничных проявлениях, несмотря на разницу языкового и религиозно-культурного компонентов.

Усиление контактов между колонистами и коренным населением в религиозной сфере приводило к ситуациям, когда мусульмане посещали православные храмы из любопытства, либо в порядке службы офицеры-мусульмане «обязались присутствовать на богослужениях». Туркестанским генерал-губернатором С. М. Духовским в конце 1899 г. был направлен официальный запрос туркестанскому епископу Аркадию с просьбой разъяснить, на каких условиях возможно посещение мусульманами православных храмов [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 18. Д. 39. Л. 2–2 об.]. Епископ Аркадий согласовал этот запрос с Синодом, и было принято компромиссное решение, отраженное в ответе:

¹ Сарты – наименование части оседлого населения отдельных регионов Средней Азии в XV и XVIII – начале XX в. Сарт (букв.) – торговец, купец или зажиточный человек.

«туземцам края разрешалось посещать православные храмы в национальных костюмах... при соблюдении благопристойности» [НАРУз. Ф. И-1. Оп. 18. Д. 39. Л. 7].

В Ферганской области фиксировались случаи обращения русских переселенцев в ислам, что рассматривалось туркестанской администрацией фактически как провал колонизационной политики. В протоколе заседания комиссии по вопросу об определении в Ферганской области площадей земли читаем:

Следует, однако, указать на опасность (русских хуторов-поселений. – Ю. Ц.), какой со временем такие разбросанные хуторяне могут подвергнуться в смысле обратного влияния на них туземцев, не исключающего возможности даже перехода русских в мусульманство, каковые случаи на редких пока примерах наблюдались [Там же. Оп. 17. Д. 656. Л. 1 об.].

Несмотря на то, что православные переселенцы в первую очередь привлекались для водворения в Туркестан, представители туркестанской администрации неоднократно подчеркивали, что опыт адаптации православных колонистов резко контрастировал с опытом адаптации религиозных меньшинств (русских сектантов) и национальных меньшинств (немцев и др.), у которых сохранялось гораздо более сильное чувство своей религиозной и национальной солидарности [Цыряпкина, с. 185], что требует отдельного рассмотрения.

В имперском нарративе под метафорой «русское дело» подразумевалась стратегия закрепления Туркестана в составе Российской империи посредством формирования не только административного и военного аппарата, но и «русских частей» городов, а также переселенческих поселков. В представлениях имперских и туркестанских чиновников переселенцы в Туркестане рассматривались как инструмент «цивилизаторской миссии» на Востоке, на них возлагались важнейшие культуртрегерские задачи.

Российская империя в XIX – начале XX в. оставалась конфессиональным государством, в котором религия являлась ключевой основой для классификации общества. Имперские чиновники, проектируя процесс освоения Туркестана во второй половине XIX в., выделяли сословные и конфессиональные группы, призванные участвовать в нем: в первую очередь это были крестьяне-земледельцы, формировавшие успешные переселенческие хозяйства, во-вторых, переселенцы православного вероисповедания, которым были свойственны связь с государственной религией и обособленность от коренного населения региона. В видении имперских чиновников наиболее прочной основой солидарности являлась как раз принадлежность к православной общине. Поддерживая и регулируя процесс переселения, империя

привлекала для него православных переселенцев, в исключительных случаях – представителей других христианских течений и сектантов, которые были призваны продемонстрировать коренному населению превосходство российского земледельческого хозяйства и оседлого образа жизни и выступить в роли культуртрегеров.

Анализ материала показывает, что имперские и туркестанские чиновники фиксировали отсутствие групповой солидарности и сплоченности русских переселенцев как по линии национальной принадлежности (великороссы и малороссы), так и по социальным категориям (старожилы и самовольные переселенцы). Критику администрации вызывали хозяйственно-экономический потенциал части переселенцев, ограниченность их денежных ресурсов при водворении, излишняя требовательность к администрации, пьянство, стремление извлечь выгоды в земельно-водном вопросе. Попытка сплотить переселенцев вокруг православия и конфессиональной идентичности также наталкивалась на множество сложностей.

Список литературы

Брежнева С. Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638. DOI 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638.

Брусина О. И. Славяне в Средней Азии : этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М. : Вост. лит., 2001. 240 с.

Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Казахи и русские : бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.

Герасимов И., Глебов С. и др. Новая имперская история и вызовы империи // Ab Imperio. 2010. № 1. С. 19–52.

Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане (конец XIX – начало XX века). М. : УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1991. 144 с.

Имперская политика аккультурации и проблемы колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2019. 480 с.

К вопросу о русской колонизации Туркестанского края : Отчет члена Ученого Комитета М-ва З. и Г. И. А. А. Кауфмана по командировке летом 1903 года. СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1903. 205 с.

Котюкова Т. В. Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») // Центральная Азия на перекрестке Европейских и Азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. : сб. науч. тр. междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 78–98.

Литвинов П. П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Елец : [Б. и.], 1996. 226 с.

Миллер А. И. История Романовых и национализм : эссе по методологии исторических исследований. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 248 с.

НАРУз. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020. Ф. И–1. Оп. 2. Д. 1249; Оп. 16. Д. 15; Оп. 17. Д. 63, 656, 858; Оп. 18. Д. 39. Ф. И–269. Оп. 1. Д. 125. Ф. Р–2681. Оп. 1. Д. 26. Ф. Р–2412. Оп. 1. Д. 207, 339, 341, 342, 343.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Сырдарьинская область. СПб. : Тип. т-ва «Народная польза», 1905. 232 с.

Переселенческое дело в Туркестане : отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом. СПб. : Сенат. тип., 1910. 419 с.

Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская) : Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. 336 с.

Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах : «русскость» под угрозой, или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157–222.

Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.

Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент : Изд-во «ФАН» Узб. ССР, 1983. 128 с.

Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.

Цыряпкина Ю. Н. Переселенческое сообщество в Сырдарьинской области Туркестана по донесениям царской администрации начала XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 4/1 (88). С. 285–289. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-46.

Цыряпкина Ю. Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в. : основные социокультурные характеристики // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 411. С. 183–187. DOI 10.17223/15617793/411/25.

Miller A. “National Indifference” as a Political Strategy? // *Kritika : Exploration in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20. № 1. P. 63–72. DOI 10.1353/kri.2019.0003.

Morrison A. Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. 364 p.

Morrison A. The Russian Empire and the Soviet Union : Too Soon to Talk of Echoes? // *Echoes of Empire : Memory, Identity and the Legacy of Imperialism* / ed. by K. Nicolaidis, B. Sebe, G. Mass. L. : I. B. Tauris, 2015. P. 115–174.

Rieber A. J. Colonizing Eurasia // *Peopling the Russian Periphery : Borderland Colonization in Eurasian History* / ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. N. Y. : Routledge, 2007. P. 259–276.

Uyama T. Mutual Relations and Perceptions of Russians and Central Asians : Preliminary Notes for Comparative Imperial Studies // *Empire and After : Essays in Comparative Imperial and Decolonization Studies*. Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido Univ., 2012. P. 19–33.

Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy : Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia’s Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2002. 275 p.

References

Abashin, S. N., Arapov, D. Yu., Bekmakhanova, N. E. (Eds.). (2008). *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia under the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.

Brezhneva, S. N. (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [The Reflection of the Acculturation Idea in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 20th Century]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 17. No. 3, pp. 608–638. DOI 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638.

Brusina, O. I. (2001). *Slavyane v Srednei Azii: etnicheskie i sotsial'nye protsessy. Konets XIX – konets XX veka* [Slavs in Central Asia: Ethnic and Social Processes in the Late 19th – Late 20th Centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura. 240 p.

Fomchenko, A. P. (1983). *Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v kontse XIX – nachale XX v. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt)* [Russian Settlements in the Turkestan Region in the Late 19th – Early 20th Centuries (Socio-Economic Aspect)]. Tashkent, Izdatel'stvo “FAN” Uzbekskoi SSR. 128 p.

Gerashimov, I., Glebov, S. et al. (2010). Novaya imperskaya istoriya i vyzovy imperii [New Imperial History and Challenges of the Empire]. In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 19–52.

Ginzburg, A. I. (1991). *Russkoe naselenie v Turkestane (konets XIX – nachalo XX veka)* [Russian Population in Turkestan (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Moscow, UOP Instituta etnologii i antropologii RAN. 144 p.

K voprosu o russkoi kolonizatsii Turkestanskogo kraja. Otchet chlena Uchenogo Komiteta M-va Z. i G. I. A. A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 goda [On the Issue of Russian Colonization of Turkestan Region. Report of a Member of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture and State Property A. A. Kaufman on a Business Trip in the Summer of 1903]. (1903). St Petersburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma. 205 p.

Kotyukova, T. V. (2019). Politika “dvoinogo ignorirovaniya” v imperskom diskurse Rossii v otnoshenii kochevogo naseleniya Turkestana v kontse XIX v. (spetsifika “musul'manskogo voprosa” i “pravoslavnogo otveta”) [The Policy of “Double Ignorance” in the Imperial Discourse of Russia in Relation to the Nomadic Population of Turkestan in the Late 19th Century (the Peculiarities of the “Muslim Question” and the “Orthodox Answer”)]. In *Tsentrāl'naya Aziya na perekrestke Evropeiskikh i Aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo seminar. Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g.* Moscow, OntoPrint, pp. 78–98.

Litvinov, P. P. (1996). *Neislamskie religii Srednei Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Non-Islamic Religions of Central Asia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Elets, S. n. 226 p.

Lyubichankovskii, S. V. (Ed.). (2019). *Imperskaya politika akkul'tratsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii)* [Imperial Policy of Acculturation and the Problem of Colonialism (with Reference to Nomadic and Semi-Nomadic Peoples of the Russian Empire)]. Orenburg, Izdatel'skii tsentr Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 480 p.

Miller, A. (2019). “National Indifference” as a Political Strategy”? In *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*. Vol. 20. No. 1, pp. 63–72. DOI 10/1353/kri.2019.0003.

Miller, A. I. (2008). *Istoriya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskikh issledovaniy* [The History of the Romanovs and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p.

Morrison, A. (2008). *Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India*. Oxford, Oxford Univ. Press. 364 p.

Morrison, A. (2015). The Russian Empire and the Soviet Union: Too Soon to Talk of Echoes? In Nicolaidis, K., Sebe, B., Mass, G. (Eds.). *Echoes of Empire: Memory, Identity and the Legacy of Imperialism*. L., I. B. Tauris, pp. 115–174.

NARUZ [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Stock 7. List 1. Dos. 5020. Stock I–1. List 2. Dos. 1249; List 16. Dos. 15; List 17. Dos. 63, 656, 858; List 18. Dos. 39. Stock I–269. List 1. Dos. 125. Stock R–2681. List 1. Dos. 26. Stock R–2412. List 1. Dos. 207, 339, 341, 342, 343.

Pereselencheskoe delo v Turkestane. Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi po Vysochaischemu poveleniyu Senatorom Gofmeisterom Grafom K. K. Palenom [The Resettlement Case in Turkestan. A Report on the Revision of Turkestan Region, Carried out at the Highest Order by Senator Chamberlain Count K. K. Palen]. (1910). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 419 p.

Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya i Ferganskaya). Otchet po sluzhebnoi poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom Upravlenii N. Gavrilova [Resettlement in Turkestan Region (Syr-Darya, Samarkand, and Ferghana Regions). Report on a Business Trip to Turkestan in the Autumn of 1910 by N. Gavrilov, an Official for Special Assignments under the Migration Administration]. (1911). St Petersburg, Tipografiya F. Vaisberga i P. Gershunina. 336 p.

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [First General Census of the Russian Empire, 1897]. (1905). St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Narodnaya pol'za”. 232 p.

Remnev, A. V., Suvorova, N. G. (2013). *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Nauka. 248 p.

Remnev, A., Suvorova, N. (2008). “Russkoe delo” na aziatskikh okrainakh: “russkost” pod ugrozoi ili “somnitel’nye kul’turtregery” [The “Russian Act” on the Asian Outskirts: “Russianness” under Threat or “Doubtful Kulturträger”]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 157–222.

Rieber, A. J. (2007). Colonizing Eurasia. In Breyfogle, N., Schrader, A., Sunderland, W. (Eds.). *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. N. Y., Routledge, pp. 259–276.

Tsyrpapkina, Yu. N. (2015). Pereselencheskoe soobshchestvo v Syrdar’inskoi oblasti Turkestana po doneseniyam tsarskoi administratsii nachala XX v. [Resettled Community in the Syr Darya Region of Turkestan in the Reports of the Tsarist Administration in the Early 20th Century]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4/1 (88), pp. 285–289. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-46.

Tsyrpapkina, Yu. N. (2016). Russkie pereselentsy v Turkestane v kontse XIX – nachale XX v.: osnovnye sotsiokul’turnye kharakteristiki [Russian Settlers in Turkestan in the Late 19th – Early 20th Centuries: The Main Sociocultural Characteristics]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 411, pp. 183–187. DOI 10.17223/15617793/411/25.

Uyama, T. (2012). Mutual Relations and Perceptions of Russians and Central Asians: Preliminary Notes for Comparative Imperial Studies. In *Empire and After: Essays in Comparative Imperial and Decolonization Studies*. Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido Univ., pp. 19–33.

Vasil’ev, D. V., Lyubichankovskii, S. V. (2018). Kazakhi i russkie: bytovaya akkul’turatsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: Household Acculturation in the 19th Century]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 151–165.

Werth, P. W. (2002). *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia’s Volga-Kama Region, 1827–1905*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 275 p.

The article was submitted on 06.03.2022